

ИРИНА ГОРЮНОВА

СВАРОЖИЙ КРУГ

Ирина Стояновна Горюнова

Сварожий круг

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10854439
авторский текст;*

Аннотация

Оксана работает переводчиком с итальянского. В ее жизни все достаточно скучно, приземленно и обыденно. Она уже отчаялась найти человека, которого полюбит всей душой, а небольшие любовные интрижки ее не устраивают. Случайно наткнувшись в интернете на объявление о том, что турфирма «Русколань» организует поездки в славянское поселение, где проводятся старинные языческие обряды праздников, таких как Ляльник и Иван Купала, Оксана едет на экскурсию, где и влюбляется с первого взгляда в верховного жреца Перуна – Ивана. Жрец тоже не остается к ней равнодушен, но им предстоит через многое пройти, чтобы получить свой шанс на счастье.

Содержание

Ляльник	4
Призрак из прошлого	16
Вася и Зина	32
Костина афера или Драгоценная женщина	39
Шаманская история нелюбви	49
Развод	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ирина Горюнова

Сварожий круг

Ляльник

Оксана медленно шла по Сварожьему кругу, стараясь не обращать внимания на многочисленных случайных попутчиков в этом мистическом и необычном месте. Круг завивался в спираль, и каждый шаг от последующего отделяли деревянные столбики или пеньки, врытые в землю, на которых покоились хрустальные шары. Если присмотреться к ним повнимательнее, становилось видно, что под каждым таким шаром находилась металлическая пластинка с таинственным узором, при определенном ракурсе, рисунок увеличивался и странно гипнотизировал. Несмотря на то, что небо оказалось обложено тучами, перед глазами девушки вдруг появился в потоке яркого солнечного света пульсирующий зеленый цветок, похожий на четырехлепестковое соцветие жасмина, то увеличивающийся, то сжимающийся до едва видимой точки. В центре круга сверкал большой шар. Посетители прижимались к нему лбом и что-то шептали, а потом звонили в небольшой колокольчик, привязанный тут же на толстую суровую нить. Сама Оксана механически повторила за жрецом слова мольбы, дернула за колокольчик и

вышла из круга. Состояние ее было странным.

Девушка приехала сюда, в деревню Сварожь, на экскурсию, наткнувшись случайно в интернете на объявление о том, что турфирма «Русколань» проводит экскурсии в славянские поселения, исповедующие исконно русское славянское язычество, и приглашает всех желающих на праздник Ляльник, когда чествуют Лелю, богиню юности и весны. Желающих оказалось не так мало – два автобуса, в каждом из которых человек по двадцать, если не больше. Встретившие у шаткого мостика через реку жрецы, сурово потребовали чествовать богов – прежде чем допустить гостей на свою землю. От неловкости всего происходящего Оксана еле слышно повторяла слова, но видя, что остальные воспринимают это как своего рода игру, подчинилась всеобщему ритму и уже с воодушевлением говорила в голос, звонко и отчетливо:

Слава Леле вечно юной и Яриле Вешнему!
Слава Ладе-Матушке и Роду-Батюшке.
Слава Макоши-пряхе и Велесу-охранителю.
Да и всем Богам и предкам нашим!

Женщины и девушки Сварожи, одетые в национальные русские костюмы, наряжали разноцветными лентами раскудрившиеся молодыми листьями дерева, старательно готовили лелемье – выписывали тонкими беличьими кисточками на бересте руны, чтобы исполнялись желания, пели песни. Невольно и вся женская часть экскурсионной группы ма-

ло-помалу вовлекалась в происходящее, осваивая необычные обряды. Пленившись тихим покоем удаленной от всех дорог деревни – до ближайшей трассы четыре километра пешком через лес и поля – Оксана вдыхала чистый и свежий лесной воздух, рассматривала устройство деревни: новые свежесрубленные дома, поляну с капищем Всебога, где возвышались огромные грубо высеченные из дерева идолы метров шести-семи в высоту, таинственный Сварожий круг, по которому она недавно прошла одной из многих. Жрецы говорили, что первый круг исполняет желания нацеленные на всеобщее благо, второй и третий – личные желания, а кроме того данный ритуал дает очищение и снимает негатив. «Помани человека сказкой, – думала девушка, – он и пойдет, а как же... Дай только образ желанной Жар-птицы, полусон-полуявь... Вдруг сбудется? Сколько нас тут таких: уставших от работы, от неудавшейся личной жизни, замученных многочисленными болезнями и проблемами... А тут говорят, что только на Ляльнике возможно проведение древнего обряда – «Выпекание женской доли». Дескать, в эти светлые дни матушка-Тригла помогает судьбу изменить к лучшему и тогда счастье да радость придут к хозяйкам очага родового, девушки половинку свою желанную отыщут, а в мире воцарится счастье, любовь и согласие... Может действительно – зря мы наших исконных богов в дальний уголок отодвинули? Наши все же, родные – им уж сколько веков минуло, а они все живы, несмотря ни на что: ни на Крещение Руси, ни

на коммунистическую анархию... Эгрегор жив тогда, когда сила веры его подпитывает, и чем больше верующих – тем сильнее боги...»

Лель гори, жито, роди,
Весело нам Лель пришел,
И к нам весну привел.

Веселье набирало обороты, и хороводы все быстрее двигались, ускоряя темп.

Едить Весна, едить
На золотом кони,
В зеленом саяни,
На сохе седючи,
Сыру землю аручи,
Правой рукой сеючи.

Леля – самая красивая девушка деревни – чинно сидела на небольшой деревянной скамеечке, заставленная по традиции приношениями: хлебом, молоком, яйцами, сметаной, и улыбалась. Оксане показалось, что именно эта простая жизнь в сельской глуши и есть то самое откровение, ради которого она и приехала сюда, в Сварожь. Лица мужчин и женщин светились добротой и участием, они были так открыты, чисты и прекрасны, что хотелось тут же броситься к какому-нибудь самому главному и просить его, чтобы при-

нял в их коммуну, поселение или как там у них называется подобное житье-бытье. «Продать квартиру, построить тут дом и жить, а больше ничего и не надо! В Москве-то одна гонка – лишь бы выжить, где-то денег урвать, новый заказ, очередные переводы с итальянского, чтобы не только на кусок хлеба с маслом хватило, но и на модные тряпки, поездки за границу, бензин опять-таки, да и ремонт машины в копеечку влетает... Эх! Решиться бы! Да куда ж! Тут без мужика никак. На земле одной пахать что ли? А как на тот самый хлебушко заработать? А свои мужики у них и так наперечет. Если только объявление в интернете на сайте знакомств повесить: «Ищу мужа для долгой и счастливой жизни в славянском поселении». Может и отыщется какой-никакой замухрышка, да кому такой нужен? Еще не дай бог плевком перешибешь...»

Когда-то давно в прошлой жизни Оксана верила в любовь, но тот период давно прошел, из нежной и доверчивой девушки она превратилась в сильную самостоятельную женщину. Хм... Что такое самостоятельная женщина? Которая сама себя достает, что ли? Какие глупые слова иногда придумывают люди, чтобы оправдать свое не совсем комфортное существование на этом свете... Почему, стоит один раз обжечься, изведать обман, ложь, боль, предательство, как человек тут же начинает себя программировать на всю оставшуюся жизнь и предрекать себе те же проблемы? Но так и есть. С тех пор как юная влюбленная Ксана застала своего

молодого мужа с лучшей подругой в весьма недвусмысленной позе (до жути банальная история), она перестала верить мужчинам, с испугом ожидая повторения ситуации с другими. И они происходили. Рано или поздно. Может быть, она сама программировала подобный исход? Говорят, что мысли материальны... Теперь настало время «выпечь» свою «женскую долю» заново, изменить установки... И что тогда? Как там в детских книжках писали? «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается...»? Кажется так. Но почему бы и не попробовать? Вдруг получится?

Оксана поежилась – весенняя погода лишь обманчиво тепла, легкомысленно одетым барышням временами становится зябко и неудобно. словно отозвавшись на ее беду, хозяева пригласили гостей в избу – чаевничать да кашу есть, настоящую, русскую, только что из печи, из большого чугунка, исходящего томительным сладким паром и тыквенным духом. Горница оказалась просторная, несколько больших крепко сколоченных столов помещалось, сбоку самовар огромный пыхтел, сияя начищенными боками, а от чайников шел ароматный травяной запах. На стенах висели искусно вырезанные из дерева ажурные жаворонки, нитяные ромбовидные обереги цвета радуги, сделанные из соломы домовые... Все было незамысловатое, простое, но до боли родное и милое...

Неожиданно к девушке подсел Иван, главный жрец Сва-рожи. Еще недавно он в волчьей шкуре возносил молитвы

Триглаву: богам Сварогу, Перуну и Святовиту, и от всей его фигуры веяло такой мощной первобытной силой, что даже не верящие в языческих идолов гости почтительно молчали и склоняли головы, зачарованные голосом заклинателя. Теперь же, Иван казался простым сельским парнем: он смущенно улыбался, расспрашивал Оксану о ее впечатлениях, делился мыслями о грядущих посевных работах, рассказывал об их пасеке... Контраст оказался настолько силен, что девушка, не утерпела и спросила:

– Иван, а как так получается? У капища ты один, сильный, могучий, даже страшно становится, а тут совсем другой?

– Да я один и тот же, – добродушно произнес он, – просто у каждого человека есть разные грани его характера, можно сказать, разные грани творчества... Поэтому так и получается.

– А вам тут не скучно живется? – Оксана заинтересованно взглянула на жреца, монотонно размешивая сахар в кружке с травяным чаем.

– Нам скучать некогда, все в работе. То одно, то другое... А потом оглянись вокруг – благодать-то какая! Разве можно заскучать? – он кивнул в сторону окна, в проеме которого виднелось широкое поле и окаймляющий его, словно суровый страж, лес.

– А твоя жена тут не скучает?

– Жена... Жена от меня ушла, не выдержала такой жизни. Ей хотелось в городе жить, со всеми удобствами, а у нас тут

джакузи нет, и много чего другого тоже нет. Все по-простому, по-деревенски.

– Извини... – Оксана от неловкости покраснела, не зная, куда деть глаза, и мысленно заругала себя за несдержанность.

– Ничего страшного. У каждого своя судьба, человек ее сам выбирает. Тебя же тоже наш покой притянул? Да ты, небось, и помыслить боишься: каково оно: тут остаться? – Он улыбнулся. Глаза его были безмятежны, доброжелательны и насмешливы одновременно. Их взгляд не только смутил девушку, но и вызвал целую бурю эмоций. Она хотела возразить, но неожиданно для себя самой призналась:

– Боюсь. Но очень хочется бросить все и сюда перебраться.

– Если охота, возьми летом отпуск да приезжай. Мы с сестрой одни в целом доме, приутим, заодно и посмотришь.

– Спасибо... С удовольствием... – Она растерялась. Внезапно ей стало спокойно, как никогда раньше, будто среди шума, гама, непрекращающейся борьбы за земные блага, она увидела тихий островок. Островок, где сбываются мечты, и грезы превращаются в реальность.

Иван оперся о стол и посмотрел Оксане в глаза:

– Ты не думай, просто приезжай. У городских всегда много комплексов в голове и на сердце: стесню, неудобно... Если бы было неудобно, я не стал бы приглашать – всегда говорю то, что есть. Запомни. Мне пора, надо делом заняться. Изви-

ни. Рад был познакомиться. — он кивнул и, не оглядываясь, вышел из избы, смущенный как своей откровенностью, так и желанием увидеть девушку снова.

Оксана еще долго сидела на лавке, не в силах подняться. В коленях ощущалась сладкая дрожь — чудилось, глаза необычного волхва заколдовали ее, а их золотистые искорки перепрыгнули прямо к ней в сердце. «Да ну, чушь. — успокаивала она себя. — Любовь с первого взгляда... Ха! Это его харизма тебя наповал сразила, деточка! На то и было рассчитано. Ты что, всерьез собралась упасть к нему в объятия? Ну, насмешила! Еще подружкам расскажи, уж то-то они обзавидуются! А потом остерегут по-свойски: продашь квартиру в Москве, приедешь в деревню жить, а потом и денежки тютю и саму поминай, как звали! Мало сект уже поймано что ли? Вон, Аум Сенрикё, а тут — то же самое, но на славянский лад. Вот и все дела». Тем не менее, дальнейшие празднества проходили словно тумане, в некоей молочно-белой дымке, из которой иногда девушку выцепляли ласковые карие глаза с золотистыми искорками, но тут же, словно опасаясь чего-то, отпускали обратно.

Оксана плохо помнила обратную дорогу через поля, да и автобусный маршрут в надвигающихся сумерках смазывался, словно размытая дождем картинка. В полудреме она не заметила, как очутилась дома, в постели, и ее сон был столь

же необычным, как и весь прошедший сварожский день.

– Не разбивай головешки кочергой, – наставляла Настасью, младшую сестру Оксаны, мать, хлопоча и помогая отмывать невесту в мыльне¹, методично охаживая дочь мокрым березовым веником по плечам, спине и ногам.

– Почему?

– Нехорошо перед свадьбой! Иначе муж жену бить будет!

– Не буду, мама! – испугалась Настасья.

– Воды на каменку плесни и шайку тащи, да побыстрее!

– Бегу, маменька!

– Не кричи, банник² разгневается! Да что ж ты так шайкой стучишь, косорукая! Настена! Обливай давай! Да не меня, глупая! Оксану! Пора уже выходить, невесту обряжать! Не забудь мыло и веник оставить. Краюшку с солью припасла?

– Припасла. Это чтобы баенник кипятком не шпарился и камнями не кидался? А зачем он это делает?

¹ Мыльня – баня

² Б́анник – дух, живущий в бане, в поверьях восточных славян, пугающий людей и требующий жертв, которые ему оставляли в бане после мытья. Часто его представляют в виде крохотного, но очень сильного старичка с длинной и лохматой бородой, покрытой плесенью. Его воле предписывают обмороки и несчастные случаи в бане. Если кто-то обжётся, ударился, поскользнулся, то считается, что это проказы банника. Любимое же развлечение банника – шпарить моющихся кипятком, раскалывать и «стрелять» камнями в печи-каменке, а также пугать парящихся стуком в стенку. Вредить по-крупному (обдирать кожу, запаривать до смерти) банник начинает только тогда, когда люди злостно нарушают запреты: моются в праздники, поздно ночью или после двух-трёх смен парящихся.

– Характер показывает, хозяином тут себя считает, подношений требует. Зато и хранит от нечисти, и при родах помогает. Ну, все, девчата. Пора нам! – мать поклонилась, глядя на каменку, и произнесла, – Хозяин с хозяйшкой, с малыми детушками гостите к нам в гости! – Мать и ее дочери вышли из бани и поспешили зайти в дом. Пора было принарядить невесту, ведь времени оставалось все меньше и меньше.

.....

– Сейчас будем косу расплетать! Пой, Оксана!

– Коса моя, косынька, коса дорогая, русая, золотая! – запела дрожащим от напряжения голосом Оксана, пугаясь и предстоящего торжества и тем, что предстояло позднее, а именно – первой брачной ночи.

– Рано тебя расплести и в дальний путь, в дальний путь снаряжать! – подхватила Настасья, сочувственно и восхищенно глядя на сестру. Она ей немного завидовала и мечтала о том времени, когда сама станет главным действующим лицом подобного праздника. Поскорей бы! На нее уже стали заглядываться парни, порой делая непонятные намеки, отчего и щеки, и уши Настасьи краснели до спелого багрового цвета.

– Не жаль мне золота, не жаль чистого серебра, жаль одного: девичьей красоты, русой косы. – отозвалась невеста.

– Не плачь, не плачь, душа Оксанушка! Красных девушек не кручини! Не слези лицо белое, рученок не ломай! Не век нам девовати и волюшку распевати. – подхватила подружка

невесты Прасковьюшка, с любопытством скашивая глаза на приготовленное приданое.

– Свет ты, коса моя русая; Свет ты, мой шелковый косник! Плети ты, моя невестушка, плети косу мелко-намелко, вяжи узлы крепко-накрепко! – запела низким грудным голосом мать.

Перед глазами Оксаны замелькали, словно кадры из фильма, отдельные эпизоды. Вот приезжает дородная сваха, знаменитая Агриппина Васильевна, чтобы купить-выкупить невестину косу... кланяется величаво, с достоинством... стоит у порога... отдает за косу деньги, а мать с сестрой торжественно выносят невестины наряды – полюбоваться честному народу. Потом берут Оксану под белы ручки и сажают за дубовый стол...

И тут девушка опять видит лицо Ивана, глаза его с золотистыми искорками, шаловливыми, как Огневушка-Поскакушка из сказов Бажова. Настойчивый звон мешает сосредоточиться, понять что-то очень важное, но сколько ни отмахивайся от него, он не умолкает, зудит настойчиво, нахально, так, что приходится вконец очнуться ото сна, чтобы понять, что уже утро и пора вставать на работу, а причудившееся, было лишь мороком, навеянным необычной экскурсией в Сварожь.

Призрак из прошлого

- Что читаешь? – заглянула Оксана через плечо Маринка и сладко, со вкусом зевнула.
- Да так...
- Сварожий круг... аналог созвездий зодиака, имеющий хождение в родноверии³...
- Это что, Ксюх?
- Ммм... подработку подкинули... редактора... – зачем-то соврала Оксана. – Вот, интересно стало, решила посмотреть.
- Интересно?
- Честно говоря, не поняла еще, только открыла.
- Ага. Ну-ну, расскажешь потом.
- Если сама пойму, что это такое. Для меня тут какие-то слишком сложные термины: эклиптика, чертоги-созвездия... Я девушка простая, меня такие вещи пугают.
- Ну, наконец-то, разумные речи! А то я уж было испугалась! У тебя тут, кстати, мобильник звонил, когда ты выходила. Проверь, вдруг что-то важное. А я так спать хочу!

³ Родноверіе (Родовереіе, Родолубіе, Родобожіе, Доброславіе) – религиозное движение, возрождающее дохристианские обряды и верования. Родноверы признают священными знания древних славян, соблюдают реконструированные языческие обряды дохристианских времён, и некоторые проходят обряд посвящения, в результате которого получают новое языческое имя.

Сил нет ждать, когда рабочий день кончится! Надо кофе сделать. – и Маришка, распрямляя плечи, направилась к чайнику.

– Спасибо, Мариш. И вправду... Пойду, перезвоню. – сказала Оксана ей вслед.

Оксана вышла в коридор и направилась к лестнице, в курилку. Странно, зачем ей вдруг позвонил Костя? Сколько лет, сколько зим миновало со времени их расставания? Два года? Да и какое расставание, когда они в общем-то так толком и не сходились... Несостоявшийся роман... Все было так красиво... Если бы не этот испуг Кости, не его боязнь неизвестно чего. Вернее очень даже известно: он тоже светился от переполнявших его чувств, но если бы сделал шаг навстречу, пришлось бы делать и второй, и третий, а это значило потерять слишком многое: и теплое местечко, и хорошую зарплату, и перспективы головокружительного карьерного роста... Тесть, благодетель, смешал бы зарвавшегося зятя с грязью, ткнул бы носом в положенное дерьмо и прости-прощай хорошая жизнь! Конечно, мучительно больно осознавать, что твой идеал оказался таким приземленным камушком, торчащим посреди проезжего пути – не сдвинешь, как ни старайся. Да и зачем стараться? Не женское это дело – камушки таскать. Хочется ощущать себя женщиной, а не передовиком производства в эпоху пятилеток. Так что все давно быльем поросло, даже обиды не осталось. Что тол-

ку обижаться? Каждый сам делает выбор: налево пойдешь – коня потеряешь... ну и так далее...

– Привет, Кость. Звонил?

– Привет, Ксюш! Рад тебя слышать... Звонил... У меня роман новый вышел, хочу тебя пригласить на презентацию... Соскучился. Придешь?

– Когда? – задумалась она.

– Сегодня. Магазин «Москва» знаешь?

– На «Пушкинской»? Конечно. Во сколько?

– В семь.

– Приду, с удовольствием.

– Тогда... до встречи?

– Да... Пока...

Оксана убрала мобильный в карман и задумалась. «Схожу... Любопытно на него посмотреть... Все-таки любопытно... – думала она, медленно и ритмично щелкая зажигалкой. – «Из искры возгорится пламя»... Или не возгорится – это как посмотреть...

День оказался суматошным и за всеми письмами, звонками и переводами девушке совершенно некогда оказалось вспоминать ни о своих снах, ни о том, кто по существу и был их причиной. Кареглазый жрец в волчьей шкуре остался в своем славянском поселении и наверняка был занят вопросами грядущего сева...

– Ксюша, привет! Все хорошеешь? – Константин Кудрявцев расплылся в улыбке и приобнял гостью так, чтобы не измять пиджак.

– А ты все так же льстишь женщинам, старый угодник? – расхохоталась она, похлопывая писателя по плечу и доволь-но жмурясь.

– Не такой уж я старый! – деланно обиделся Костя, поглаживая проглядывающую сквозь прическу плешь. – Я еще ого-го!

– Ой ли! – Оксана приподняла бровь в деланном изумлении.

– Желаете проверить?

– Посмотрим, ковбой! Автограф по старой дружбе дашь?

– Только с одним условием! Посидишь потом со мной в кафе, поболтаем?

– Без проблем. Я птица вольная, куда хочу, туда лечу.

– Замуж не вышла?

– Все тебя жду, забыть не могу! – притворно вздохнула Оксана и засмеялась. – А ты, я смотрю, теперь достаточно известная личность! Вон сколько журналистов набежало, посетителей, и все с книжками... Времени даром не теряешь...

– А то! Я тебе потом расскажу...

– Ладно. Не буду отвлекать. – Оксана отошла в сторону и удивленно заметила про себя, что глаза Кости, ранее казавшиеся ей цвета серого предгрозового неба, теперь напоминают придорожную пыль, мутную и непроницаемую.

Он сильно изменился за два года: возле полных чувственных губ появилась презрительная складка, приклеившаяся намертво, из-под рубашки выпячивалось небольшое брюшко, хотя в целом фигура Кости продолжала оставаться весьма привлекательной и мускулистой, отчасти и потому, что ее облегал весьма дорогой костюм от Хьюго Босс модного в этом сезоне песочного оттенка.

Фуршет по случаю выхода новой книги Константина Кудрявцева напомнил Оксане описания массолитовских⁴ посиделок из известного романа Булгакова. С удивлением и печалью смотрела она на раскрасневшегося пьяненького Костю, вокруг которого как навозные мухи увивались многочисленные поклонники, в надежде обратить взгляд фаворита от литературы и на свою скромную персону. Желающих примазаться к славе оказалось не так мало, и тем более странно и печально было то, что сам Костя воспринимал неприкрытую лесть как должное, более того – командовал лысенькими приятелями-писателями с таким омерзением, словно отыгрывался на них за то, что сам продал душу свою за энное количество благ, просыпавшихся из рога изобилия... Блага слегка протухли и пованивали. Все чаще сталкивались со звоном бокалы, все громче звучали тосты в честь виновни-

⁴ МАССОЛИТ – сокращенное наименование одной из выдуманных крупнейших московских литературных ассоциаций в романе Булгакова «Мастер и Маргарита».

ка торжества, а на скатерти появлялись новые и новые кроваво-красные винные пятна, так как прицел пирующих начинал сбиваться, и глаза неправильно оценивали расстояние до питейных сосудов. Искусственные улыбки поэтесс слегка меркли, когда их взгляд обращался на стоящую рядом с Костиком Оксану. Густо накрашенные глаза цепко отслеживали ее жесты, а напомаженные губы раздвигались в такой улыбке, что чудилось, будто из них следом обязательно должен высунуться раздвоенный змеиный язык. Шипение по углам становилось все слышнее и слышнее.

Честно говоря, Оксана совсем уж было собралась сбежать, но тут Костя подцепил ее под руку и утащил курить на улицу через черный ход кафе.

Темный ночной двор с видом на помойку звенел тишиной, иногда прерывавшейся кошачьими серенадами.

– Милая, мне так тебя не хватало! Я тосковал по тебе! – шептал писатель, пытаясь прижать девушку к себе.

– Молодец, стойкий оловянный солдатик! Тебе удалось протосковать целых два года, прежде чем решиться мне позвонить! Ты умеешь форсировать события! – съехидничала Оксана.

– Ты не понимаешь... я не мог... – он резко погрузился и преданными собачьими глазами посмотрел на девушку.

– Понимаю, Костя... понимаю...

– Поцелуй меня.

– Когда-то я мечтала об этом... Теперь – поздно. Извини, я уже ничего не чувствую, а коли так, зачем целоваться?

– Я дурак, да? Ну, скажи, дурак?! – распалился Костик, взвешивая шансы на более приятное препровождение оставшегося вечера.

– Дурак. Тебе легче?

– Нет.

– Так я и думала. Зачем пьешь? Ты раньше себе не позволял...

– Мои желания исполнились, и теперь я заливаю свое счастье водкой. Понятно?

– Более чем...

– Ксюш, я не могу без тебя! Хочешь, все брошу, и мы будем вместе?

– Не хочу.

– Давай, прямо сейчас уедем куда-нибудь вдвоем, а?

– Нет, Кость. Пойдем, тебя люди ждут.

– Да разве это люди? Шелупонь одна. – цинично процедил он. – Пойдем, выпьем?

– Пойдем.

Оксана сама не поняла, с чего она так напилась: то ли от того, что ей стало жаль талантливого Костю, променявшего ее на нынешнюю славу, то ли своего чувства... А может быть одиночество, острое как лезвие кинжала, вонзилось в ее сердце, и она лихорадочно искала способ приглушить эту

внезапно нахлынувшую боль, страшную, чудовищную, лишающую разума и способную вогнать человека в поистине скотское состояние?... В один из моментов она потеряла чувство реальности, размытая дымка, в которой кружились пьяные гости, приобрела еще более гротескный характер, и, задыхаясь от удушливой атмосферы, она прильнула к Косте и шепнула ему: «Уедем!»

– Я потеряла тебя... – плакала она горько.

– Я недостоин тебя... Ты, лучшее, что со мной когда-нибудь случалось... – шептал он, лихорадочно втискиваясь в рукава пальто и уволаскивая Оксану на улицу. Поймав машину, не торгуясь, назвал адрес, запихнул туда опьяневшую подругу, и принялся страстно ее целовать.

– Как поздно! – слезы текли по ее щекам, придавая губам солоновато-горчащий вкус.

– Это лучше, чем никогда!

– Уже не исправить...

– Мы сможем...

– Нет-нет...

– Да, милая, да...

Утро оказалось чудовищным. Оксана застонала и потянула одеяло на себя, пытаясь укрыться с головой от назойливого апрельского солнца и гомона счастливых воробьев. Откатившись в сторону, наткнулась на чью-то руку и в испуге вскочила, тут же схватившись за разламывающиеся от боли

виски, в которых стучали и ревели отбойные молотки. Костя недовольно повернулся к ней спиной и сонно спросил:

– Который час, Светик?

– Одиннадцатый... Я не Светик, ты перепутал постели...

– Что? – с трудом разомкнув глаза, спросил Костя. – Ой!

Вот, черт!

– Я не черт! Вчера вроде была краше! – попыталась пошутить Оксана и, поднявшись, побрела на кухню.

«Зачем я это устроила? И надо же было напиться в хлам, а потом тащить Костика в постель! Тоже мне, нашла, чем заняться! Эго свое потешить решила? Знаменитый писатель в койке бывшей возлюбленной! Заголовки для газет! Тьфу! Теперь самой на душе противно. Придется на работу звонить – отмазываться, врать что-то... В таком состоянии на работу не ходят...»

– Оксан, ты меня извини, если что не так, – выполз на кухню потрепанный и жалкий писатель. – Я не хотел...

– Все хорошо.

– Я, правда, не хотел... Можно я позвоню?

– Конечно. – ответила Оксана, а про себя подумала: «Не хотел... Еще как хотел... судя по... гм...эрекции».

– Ты извини... У меня разговор конфиденциальный...

– Без проблем. Телефон в комнате. Я тут посижу, заходить-кричать не буду, не переживай.

– Ты умница.

– На том и стоим, – ехидно произнесла она и поморщилась. Ватный привкус во рту невыносимо мешал говорить.

Из комнаты доносился приглушенный виноватящийся голос Кости. Против воли девушка прислушивалась к словам, и каждое из них становилось если и не порцией яда, то как-то уж точно – писатель объяснялся с женой и врал при этом как сивый мерин, исповедуя принцип: «Отпирайся до последнего». Куда девалась его вчерашняя алкогольная смелость? «Наверное, провалилась в тартарары, – решила Оксана и в очередной раз пожурила себя, – Дура душой ты, Ксюха, клиническая, катастрофическая, неисправимая идиотка! Чего ты, собственно говоря, добилась? Решила мужичка из семьи увести? Да разве он тебе такой нужен? Не смеши слона! Хреново тебе? Заведи кошечку или собачку, ну на крайний случай купи себе герань в горшке и разговаривай с ней на здоровье! Можешь ее даже по листикам гладить! Ой, бред! – остановила она себя. – Стоп-стоп-стоп! Крыша моя, крыша! Не съезжай мгновение! Бывают же такие преотвратные утра! И мы сами себе их устраиваем!»

В дверном проеме нарисовалась фигура хмурого Кости, неловко мнущаяся и такая нерешительная, что казалось, будто эта самая фигура пыталась решить насущно важный вопрос: «Превратиться ли ей тотчас в призрака или немного погодить?»

– Проходи. Кофе будешь?

– Лучше чай. С такого похмелья от кофе сердце стучит как бешеное.

– Да уж. Чай так чай. Сейчас налью.

– Я вчера тебе ничего лишнего не наговорил?

– А что лишнего ты мне мог сказать?

– Ну...

– Не бойся, милый, я не восприняла твое предложение сбежать вместе на край земли, как самое соблазнительное на свете, если ты об этом.

– А почему? – вдруг обиделся писатель.

– А ты серьезно... предлагал?..

– Нет, но...

– Никаких «но»! – строго оборвала его Оксана. – Вспомнили прошлое, сорвались... Бывает... Теперь все. Ты возвращаешься к жене и книгам, а я к любимой работе и любовникам.

– У тебя их много?

– Парочка имеется, временно... на горизонте...

– Ты стала более ехидной, скорее даже стервозной.

– Не нравлюсь?

– Нравишься. Очень. – Костя приподнялся.

– Сиди! Чай готов! – испугавшись продолжения, Оксана плюхнула перед ним чашку с чаем и наскоро сготовленные бутерброды. Стоявшая на кухонном столе игрушечная плюшевая собачка укоризненно закачала лобастой головой.

Оксана разозлилась. И на себя, и на Костика, и на собачку – за то, что даже эта мелкая пакость смеет осуждать ее. Подумаешь! И что теперь? В церковь идти, грехи отмаливать? Щас! Побежала уже! Только вот платочек надену и длинную юбку, чтобы старушки в церкви не заклевали, не заплевали... Там таких набожных – пруд пруди! Еще не хватало себя теперь грызть за эту веселенькую ночку, вырванную у законной жены Кудрявцева. Помнится, еще Ксанина бабушка, обсуждая соседских девчонок со своей подружкой Марусей, поджимала губки и делилась житейской мудростью: «Баба не захочет – кобель не вскочит!» А тут и баба захотела, и кобель... Настроение ни к черту! Работа, весенняя депрессия... Теперь вот еще самоедством займусь... Поглодаю себя, любимую...

Костя допил чай и неловко поднялся.

– Я... пойду?

– Иди... – равнодушно ответила Оксана.

– Эээ... Позвоню...

– Звони... если хочешь.

Закрыв дверь, она с остервенением вытерла обслонявленные Костином губы и пошла в душ. Смывая липкие пьяные объятия жадных мужских рук, девушка уговаривала себя, что случившаяся интрижка – пустое, не стоит и заморачиваться. Получалось плохо. «Мне уже тридцать два. Не заму-

жем. Детей нет. Смысла нет. Ни в чем нет. Куда идти? Может, уехать в Сварожь? Нет. Иван достоин не такой как я, а какой-нибудь чистой и милой девушки... Да я там и не смогу. – она растерла тело докрасна, сдирая вместе с поверхностным слоем кожи и прошлые события, и самого Костю. – Не буду брать трубку, если позвонит. Ни за что не буду! А он позвонит! Я-то знаю! Будет еще прощения просить, виноватиться... Девушка прошлепала босыми ногами в комнату, оставляя на паркете мокрые следы. Сгребла в охапку постельное белье, вчерашний костюм, колготки с намерением тут же засунуть все это безобразие в стиральную машину, но тут же охнула и, бросив кучу на пол, кинулась к телефону.

– Мариш, я тут вчера траванулась в кабаке, что-то несвежее съела. Отмажь меня, а? Завтра выйду... Не, к врачу не надо. Заглочу уголь, фуразолидон, посплю чуток, и все само пройдет... Спасибо, солнце! Я у тебя в долгу!

Открыв дверь в ванную, Оксана щелкнула выключателем. Раздавшийся хлопок стал ей очередным сюрпризом. Впрочем, к подобным вещам она привыкла давно: стоило девушке разозлиться, как тут же начинали лопаться электролампочки, а техника просто сходила с ума. Электрические чайники, мобильные телефоны, фотоаппараты, ноутбуки, карманники и другие сложные технические устройства отказывались работать напрочь. Свой телефон Оксана чинила уже раза четыре, а к ноутбуку регулярно вызывала мастера.

Поглядев на нее сквозь толстые линзы бифокальных очков, молодой человек сказал укоризненно и веско: «Вы его не любите, и он отвечает вам тем же. Есть такие люди, входящие в диссонанс с техникой. Их энергетика настолько противоположна современному миру, что им бы лучше жить где-нибудь в деревушке на Алтае. И учтите, если он опять сломается, то это не потому, что я его плохо починил или подсунил вам старую негодную деталь...» Оксана обреченно кивнула.

Надев тапочки, чтобы не пораниться, девушка на ощупь поставила табурет посреди ванной и вкрутила новую лампочку, аккуратно вывернув остатки из горячего патрона. Теперь можно смести осколки, разлетевшиеся во все стороны. Только этого ей еще не хватало!

– Жалко-жалко... у пчелки в попке... жалко девочку, какая была хорошенькая, а что сталося? Что сталося, то сталося! Что выросло, то выросло! Лучшее средство от депрессии – здоровый сон, поход к косметологу и шопинг! Именно в такой последовательности! Я сама себе реанимация! – делилась мыслями со своим отражением Оксана. – Лучше и впрямь собачку завести или цветок в горшке, а то потом в психушку попаду с раздвоением личности. Говорила мне мама – смотри, довыбираешься! Хватай мужика, какой попался и тащи в загс, а там видно будет. Надо было маму слушаться! Да что теперь говорить...

Костя... Вот уж не ожидала... Судьба порой выкидывает

странные штуки. Только зачем? Чтобы я поняла, какой он на самом деле и не страдала? Так я вроде и так уже не вспоминала... Хорошо Маринке! За ней мужики стадами выются, как бараны на веревочке и еще колокольчиками на шее позванивают. Она как глянет, так все – считай пропал мужик: семья, не семья... Да только все ее романы одноразовые: покуражится чуток и дальше бежит: искать нового подопытного кролика. Не попался пока тот, который бы ее укротил раз и навсегда. Предложений руки и сердца море разлитое, луну с неба обещают, меха, драгоценности дарят, в Таиланд и на Галапагосы везут, надеясь экзотикой приворожить, а ей и горя мало – охмурила, покуражилась и исчезла, как Чеширский кот, только улыбка маячит в отдалении... Показать что ли моего бывшенького Маринке? Пусть позабавится. Да зачем? И ей не особо много чести такого к рукам прибрать, и ему бедолаге плохо придется: Маринка как асфальтовый каток по нему проедется, расплющит в картонную куклу, и поминай, как звали. Может быть, русская литература много потеряет... хотя... как он вчера себя вел! Чуть ли не «К ноге!» всем этим престарелым графоманам кричал, а они только лучились от непередаваемого счастья... В какую же мерзость я вляпалась! Нет, надо оставить все на своих местах, пусть развлекаются, но без меня. Сон у Оксаны пропал окончательно и бесповоротно. На душе муторно, хоть волком вой. В ночной клуб что ли выбраться или и впрямь, залезть в интернет и романчик какой закрутить? Вот Нинка нашла себе

мужа... да какого! На руках ее носит, в банке работает. Она теперь как сыр в масле катается, ни в чем отказа не знает. Да и понятно, ему типа подружку искать некогда было, все работа да работа, и знакомиться Серега не умел, а в интернете все храбрые: флиртуй на здоровье. Надо собраться с силами и выползти из дома, собрать себя по кусочкам, как пазл: тело, душу в гармонию привести потихоньку. Слава богу, что проверенные средства имеются. Только к чему это все? Уехать что ли и впрямь в Сварожь? Взять отпуск и вперед... Нарядов никаких не надо: кроссовки да свитер с курткой. А там лес, природа, птички поют, цветочки первые из земли бутончики на встречу солнцу протягивают, от лопающихся почек клейкий и свежий дух идет, речка блестит, отражая синий небосвод, и причудливые белые облака, похожие на сказочных зверей, невозмутимо проплывают в дальние края, оглядывая просыпающуюся весной землю... Жаворонок дрожит своей серебряной песней, величая жизнь, радуясь... Шмели деловито гудят, исследуя ароматные цветочные плантации, в коих считают себя истинными хозяевами... Вот с кого пример надо брать! Да разве получится так-то! Это сколько из себя надо всего наносного вычистить, чтобы так радоваться, так жить! Страшно! Думается, что единицам такое доступно – смелость нужна!

Вася и Зина

– Чтоб ты сдох, распроклятый! Управы на тебя нет душа окаянная! Все пропил, что только мог, подлец! И как тебя только земля носит недоделанного! Всю кровушку мою выпил! Иди отсюда, хоть на помойке ночуй! Не пущу, сказала! – раздался на лестничной клетке голос Зины, соседки Оксаны по лестничной клетке. Эти скандалы стали настолько частым достоянием общественности, что на них уже никто особого внимания не обращал, тем более, что в мордобой они не перерастали и достаточно быстро прекращались.

– Зинка, не буянь, а то как дам! – пьяно пророкотал бас.

– Я тебе дам, не буянь! Пошел вон отсюда, щас в милицию позвоню, пусть они тебя посадят!

– Не посадят! Они мои кореша! Мы с ними... ух...

– Да когда это было? Ух! – передразнила соседка. – Ты тогда человеком был, не пил совсем, а теперь образина страшная!

– Зин, да я... ну в последний раз! Ну, честно! Завтра все, ни капли!

– Знаю я твое «ни капли»! Сколько раз уж одно и то же!

– Точно! Мое слово – закон! Ей-богу!

– Не поминай Господа всуе! Я сколько молилась, просила, чтоб тебя на путь истинный направил! А ты! Видно бес в тебя вселился! – тон голоса Зины стал более мирным, а потом

и вовсе превратился в просительный. – Вась, а Вась, сходи в церковь-то! Может они из тебя эту дурь выбьют!

– Схожу... Завтра...

– Правда, сходишь?

– Схожу. – дверь захлопнулась и голосов слышно не стало.

Впрочем, Оксана и так знала наизусть весь соседский сценарий, повторявшийся регулярно, и практически не знавший отклонений от затверженной наизусть роли.

Когда-то Василий действительно служил в милиции, участковым, а Зинка работала там секретаршей. Оба – приехали издалека, из областных городов великой нашей родины, где оставались только дальние и не слишком любимые родственники. Оба – без жилья, друзей и связей. Ну и прикипели друг к другу, водой не разольешь. На свадьбе гуляло все отделение. Квартиру потом дали. Зинка с животом на работу ходила, ребеночка ждала. Да не повезло им. Какая-то сволочь решила Василию отомстить за что-то – подстергла Зинку и в живот пырнула. Девушку спасли, а ребеночка, увы, нет. Да и сказали, что детей мол, больше не будет. Васька тогда не в себе был – все того подонка искал, да тот хорошо спрятался, или уехал куда... Сжигавшая несчастного ненависть требовала выхода, и тогда Васька стал пить, чтобы проще было ненавидеть себя. Ему это удавалось. Зинка жалела его, как большого и неразумного ребенка, бросить которого – означало предать. Из милиции оба уволились –

не хотели, чтобы их все жалели, да и воспоминания жгли каленым железом. Василий сначала пристроился охранником в ресторане работать, а Зинаида пошла домработницей в богатую семью, прибирать и за хозяйством следить. С финансами вроде получше стало, да словно что-то сломалось в обоих, и если женщина еще как-то держалась, найдя спасение в воскресных проповедях батюшки Игнатия из близлежащей церквушки, то он – не сумел. Менял одну работу за другой и пил не останавливаясь. Ничего не помогало: ни отчаянные полные боли глаза жены, ни увещания бывших сослуживцев, ни вкрадчивые упокоительные речи батюшки о всепрощении... Какое всепрощение, когда такие подонки по земле разгуливают? Куда смотрит великий и всемогущий боженька, раз допускает такое на земле? За какие грехи посылаются людям подобные испытания? Василий искренне не понимал – ловил бандитов, сажал в тюрьму, так было за что! Наркотиков он никому не подкидывал, факты не подтасовывал, все по-честному расследовал, и виноватым себя не считал. Смотрел он на благообразное в окладистой бороде лицо священника и басил:

– Я, если бы нашел того негодяя, удавил собственными руками!

– Грех, сын мой, человека жизни лишать, не нами она дана! – возражал отец Игнатий.

– А моего ребенка во чреве убить – не грех было?

– И это грех! Так за него убийца на Страшном Суде отве-

тит!

– Да есть ли он, этот Страшный Суд? Пусть здесь, на земле отвечает! – упрямо твердил Василий.

– Не можем мы на себя роль судии брать!

– Угу! И что ж, милиция, получается, тогда тоже не нужна? Пусть все преступники творят, что им вздумается? Так что ли?

– Ну почему не нужна? Нужна, не преувеличивай, сын мой. Только жизнь у человека отнимать неправильно.

– Нет, отец Игнатий! Не по мне такая философия! – отрицательно поводил широкими плечами Василий, вздыхал и шел пить дальше. Ни слова о вечной душе, ни укоры любящей измученной жены не доходили до его сознания, оставаясь пустыми фразами, падавшими пожухлыми листьями на землю. Не принимал он их. Единственное, что могло бы примирить его с жизнью – наказание преступника, совершившего злодеяние. И больше ничего.

Изредка он наведывался в отделение милиции и спрашивал: нет ли новостей. Служивцы пытались найти злоумышленника, но за постоянной муторной текучкой и новыми делами: убийствами, кражами, ограблениями – это становилось все менее реальным.

– Вась, кончай пить, завязывай, возвращайся к нам. – уговаривал начальник. – Кто кроме тебя сможет это дело раскрыть? Сам видишь – некому.

– Я... подумаю... – на время сознание Василия проясня-

лось, он пытался взять себя в руки. Но все-таки... все-таки... чего-то не хватало... Веры, если не в Бога, то хотя бы в себя. Глядел он на маленьких ребятишек, копошащихся в песочнице, на степенно прогуливающихся мамаш с колясками, на спешащих с ранцами школьников, и все нутро его корчилось такой жгучей болью, что становилось невозможным дышать. Тогда на помощь приходило проверенное лекарство, сознание затуманивалось, и боль временно отступала, притаившись до нового приступа трезвости.

Зина советовалась с отцом Игнатием, жаловалась на то, что силы ее на исходе, а путей выхода нет, и не предвидится. Батюшка отвечал, что рано или поздно Василий прозреет, все наладится, нужно только еще немного потерпеть. Терпеть-терпеть-терпеть... А когда жить-то? Может, ребеночка бы взяли из детдома, если б Васька утомонился! Радость в жизни появилась бы... А тут как ослик в зоопарке по замкнутому кругу цок-цок-цок и на новый кружок, опять и снова все тоже: пейзаж не меняется, дорожка все та же, ухабы и ямки те же, лица вокруг... Уйти, бросить его? А как же и в горе, и в радости? А когда только в одном горе? Если он, мужик, не может взять себя в руки, то как тогда быть Зинаиде? Почему она должна быть сильной и за себя, и за него? Разве в этом великая справедливость? Ответа не находилось. Зина привыкла рассчитывать только на себя, а жаловалась только изредка отцу Игнатию, делясь с ним своими проблемами.

Соседям и знакомым своим отчаянием не докучала, но они и так все видели и жалели ее...

С Оксаной Зина не то чтобы дружила, скорее поддерживала добрососедские отношения: такая ни к чему не обязывающая формулировка. Забежать за солью, сахаром, мукой, попросить приглядеть за квартирой во время отъезда – ничего не значащие одолжения, взаимные и не обременительные.

Про себя Зина иногда думала, что соседка ее тоже не слишком счастлива. Вроде симпатичная, одевается хорошо, работа престижная, а все как-то наперекосяк. Заходят иногда мужики, да надолго не остаются. То ли сглазил кто, то ли проклятие наслал, венец безбрачия, то ли просто привередлива... А могла бы уже детишек нянчить, в школу водить...

Глядя на храпящего мужа, женщина размышляла: «Не могу больше. Хватит с меня. Проснется, скажу, чтобы уматывал, куда глаза глядят. Пусть пристраивается сторожем, дачу охранять какому-нибудь шишке, а я сделаю ремонт, возьму ребеночка из детдома... Справлюсь... Иначе получается, что жизнь проходит зря – нет в ней ни капли счастья, только влачение своего одинокого существования, липкий и мерзкий страх, щупальцами спрута облепляющий тело, высасывающий жизненные соки, сводящий с ума...

В комнате монотонно тикали настенные часы, отсчитывая минуты. Их равнодушные звуки заставляли Зину съезживать-

ся и плотнее закутываться в старенькую шерстяную шаль и вздыхать. Тем не менее, через серое пепелище ее жизни и брака начинал пробиваться, протягиваться наружу, к свету первый зеленый росток надежды – внутренний голос звал прислушаться к себе и попробовать подняться снова. Чувство всепоглощающего стыда за самую себя нахлынуло и завертело в томительном круговороте. Задыхаясь, она сорвала с вешалки старенькую куртку, сунула ноги в растоптанные демисезонные боты и выскочила за дверь, забыв погасить в прихожей свет. Нажав кнопку, переминалась с ноги на ногу, уставившись на вызывающе красный глаз, влетела в лифт, не дожидаясь, пока двери откроются полностью, и, затаив дыхание, спустилась на первый этаж, чтобы тут же, с разгону рвануть на себя массивную дверь подъезда и вывалиться, наконец, наружу. Остановившись, хватала ртом воздух, будто рыба, выброшенная на берег, хрипло сипела, отдирая верхнюю пуговицу куртки – дышать полной грудью, освободиться стало ее насущной потребностью.

Костина афера или Драгоценная женщина

Константин осторожно и воровато прокрался в квартиру и медленно осмотрелся. Повезло! Жена на работе. Так, теперь надо проверить, чтобы никаких следов от прелюбодеяствия заметно не было. Он снял пиджак и подошел к окну, предельно внимательно осматривая его на предмет следов от губной помады, чужих женских волос и прочих доказательств измены. Рубашка измята, но тут вроде тоже ничего, только пятно от красного вина – придется выбрасывать, не отстирается... Вот, черт! Забыл в спешке трусы надеть! Не звонить же теперь Ксюхе, на смех поднимет! Отдай, дескать, трусы! Ничего, зайду в магазин, куплю еще дюжину таких – пусть в комодке валяются. А Ксюха тоже хороша! Завела его! И зачем он ей позвонил? Только можно сказать на вершину стал подниматься – и чуть было сам все не испортил. Подумаешь, великая любовь! Ну свербело где-то глубоко внутри, что все могло быть по-другому, если б он осмелился... Ну и что? А как по-другому? До сих пор в стол бы писал, да? Статейки для газет за гроши пописывал? Нет уж. Дала тебе судьба шанс – пользуйся, иди по головам, топчи, интригуй, лести, добивайся, тогда и на Олимпе пировать будешь, с богами. Тут как говорится, взаимное жополизательство: ты ли-

жешь, тебе лижут... такая групповуха... Привык уже. Стыдно? А без копейки денег сидеть не стыдно? Занимать гроши до получки не стыдно? Матери лекарств не купить, отцу слуховой аппарат, сестре... Да что говорить! Эта непреходящая с детства бедность и есть самое стыдное, когда ты с одним тем же ранцем до седьмого класса в школу ходишь, а бабка перешивает отцово пальто, подлатывая его каждый год заново... Когда на одной картошке и хлебе вся семья месяц тянет, и живот от голода пухнет, сводит изнутри, в то время как счастливые одноклассники достают из портфелей одуряюще пахнущие бутерброды с дефицитной покрытой белыми пупырышками жира колбасой? Сглатывая слюну, презрительно отворачиваешься и бросаешь: «Сыт, смотреть уж на нее не могу. Тошнит». И впрямь тошнит, только от голода, от того, что этот вкус на языке, такой томительно желанный и все б на свете отдал, душу дьяволу продал за этот злосчастный кусок. Вот и продал... И не жалею. Теперь могу лобстеров хоть каждый день жрать, причем именно жрать – не вкушать, не есть, а по-свински, руками, чавкая, перемазываясь, так, чтобы на зубах хрустело, с первобытной дикой жадностью, как победитель – жрать. Я тут главный! Кому доказать?!

Подумаешь, милая девочка Ксюша с наивными широко распахнутыми доверчивыми глазами! Любовью сыт не будешь! И хорошо, что тогда устоял, смог все-таки! Сумел! Остался со Светкой. Она хоть и не красавица, зато других

достоинств много. Папаша ее, Вячеслав Игоревич, например. Пристроил на тепленькое местечко. А Светке и хорошо. Она теперь на всех крутых тусовках рядом с ним, под светом фотовспышек во французских шелках от кутюр красуется. Мордашку себе подправила, грудь сделала – жить можно. А что в постели как холодная склизкая селедка, так тоже не беда, девочек на его век хватит: можно и в баньку с друзьями зарулить, оттянуться, и в командировке парочку другую поэтесс оприходовать, было бы желание... Только на работе ни-ни, репутацию беречь надо, какую-никакую... Светка конечно догадывается временами, но, как говорится, не пойман – не вор. Ее вполне устраивает, что благоверный ей бриллианты покупает, без возражений деньжат на разные прихоти отстегивает, да по заграницам на отдых с ней мотается... Ей секс на фиг не нужен, фригидная совершенно. Ну и ладно.

Костик вспомнил Ксюшу и тут же возбудился. Может, все-таки зря он так? Она такая нежная: губы, кожа, глаза... Целуешь и пропадаешь из этого мира, уносишься в такие небеса, что страшно становится потеряться там навсегда. Много у него в постели девиц перебывало, но она – что-то особенное... Дурман-травка, сирена морская... Организовать командировку, и с ней в постель дня на три, так, чтобы вообще оттуда не вылезать. Тогда возможно освободится от ее чар. Нет, надо все-таки рискнуть. Позвонить Витьку, он придумает, бумаги выправит... Это все пустяки... Только Ксюха не

подпустит... Впрочем, можно попробовать – все бабы одинаковы: колечко с камушком, красивые слова, продуманная стратегия, и дело в шляпе. Выложиться, конечно, придется, да гонорар вроде хороший подкатили, а там еще денюжка за пару сделок привалила, о которых Светка ни гу-гу... Костик вытащил из барсетки телефон и набрал телефон цветочного магазина:

– Олюшка, рыбонька, узнала? Ну, молодец, красавица. Составь мне букетик, да такой, чтобы английской королеве подарить не стыдно. Запиши на мой счет, загляну на днях... Да, пиши адрес... Нет... Думаю, дома... От кого – не надо... Записку? Пожалуй, нет. В течение двух часов? Хорошо. Целую в носик.

Писатель я или нет? Писатель! Причем самый лучший! Можно сказать гениальный! Я ей такой сюжет сочиню, такую сказку напридумываю, век помнить будет!

– Светик, ты как?.. Я? Дома... Что-нибудь купить?.. Прости ради бога еще раз, напился на радостях, заночевал у Витька. Какие бабы? Ты же меня знаешь! Ну ладно, не шали, милая, и не шути так – я ж одну тебя на всем белом свете... – Он облегченно перевел дух и радостно потер руки – гроза прошла стороной. Может быть потому, что совсем недавно Светик выпросила у него деньги на какую-то очередную хрень: то ли мезотерапию, то ли фотоомоложение...

Когда раздался звонок в дверь, Оксана как раз натягивала сапоги, собираясь прошвырнуться по магазинам. В дверном глазке смутно маячила корзина цветов.

– Вам кого? – спросила Оксана.

– Оксану Савенкову – ответил юношеский голос. – Вам цветы.

– Вы, наверное, ошиблись, – произнесла девушка и открыла дверь.

– Никакой ошибки, у меня записано. – Молодой человек протянул квитанцию.

– Нет-нет, проверьте. Я сейчас уйду, а вам потом попадет, за то, что не тому человеку цветы вручили.

– Это вам. – парень улыбнулся и всучив корзину, быстро умчался вниз по лестнице.

Никаких записок не было. Но Ксюша и так поняла, откуда дует ветер. Наверняка Костик заглаживает свою вину. Она уже обнаружила на полу ту часть его гардероба, которую он в спешке забыл натянуть на чресла... Хорошее настроение вернулось, и девушка заливисто захохотала. Теперь, задним числом, вчерашнее приключение показалось смешным. Такие нелепые ситуации, если посмотреть непредвзято, временами нужны. Завибрировавший телефон, отвлек ее от корзины. Поставив ее в комнате на пол, она прочитала смс: «Я хочу все исправить. Давай встретимся» – «Спасибо за цветы, это лишнее», – ответила она. «Если ты не согласишься, вече-

ром под твоим окном буду петь серенады» – тут же пришел ответ. Оксана пожала плечами и спрятала телефон в сумочку. «Резвится, писатель. У него это скоро пройдет. Не стоит начинать заново. К вечеру забудет».

Пакет с покупками оттягивал Оксане руку. Она получила большое удовольствие, прогуливаясь по многочисленным магазинам с одеждой, прикупила себе на весну модные сапожки, несколько пар колготок, духи, а потом еще зашла в супермаркет за продуктами. Увлечшись, набросала в тележку всяких вкусностей и деликатесов. Хорошо, что теперь не нужно стоять часами за продуктами, как в период полуголодного детства, когда пустые прилавки сияют девственной, но неопрятной белизной, а очередь за шпротами выстраивается на полкилометра. Красные коробки с вермишелью, пирамидки банок с килькой в томатном соусе, полугнилая картошка, сине-белые треугольнички с молоком... И вопли: «Вас тут не стояло, гражданочка» – все это в прошлом. Дефицит нынче только в кошельке бывает... Лампочки! Не забыть еще купить лампочки!

Оксана с трудом доволокла неподъемные сумки до квартиры. Теперь можно и поесть. Заслужила. Сейчас нарежу свой любимый «Дор блю», сделаю себе бутербродик с рыбкой, открою бутылочку вина и отпраздную... Ну, что-нибудь отпраздную... Свою свободу. Я кошка и гуляю сама по себе, вот так-то!

Устроившись с ногами на топчанчике, Оксана включила телевизор и, пощелкав несколько минут пультом, выбрала старую французскую комедию «Невезучие» с Пьером Ришаром в главной роли. Его нелепые и смешные ужимки, абсурдные ситуации – то, что нужно. Когда за окном внезапно грянула песня Заболоцкого «Признание», девушка подумала, что кто-то громко включил магнитофон, открыв при этом настежь окно. Хорошая песня... прекрасная... «Зацелована, околдована, с ветром в поле когда-то обвенчана, вся ты словно в оковы закована, драгоценная моя женщина!..» – выпевал знакомый голос. Знакомый? Оксана вихрем подлетела к окну. С третьего этажа было прекрасно видно, что под ее окном в белом фраке пел серенаду Костик, да еще и с живым оркестром вкупе. «Ну, ничего себе! Не соврал! И что теперь делать? Все соседи будут в курсе!» Она накинула куртку и побежала вниз. Распахнув дверь, позвала:

– Кость, прекрати...

– Не могу...

– Всех соседей на уши поднимешь!

– Обязательно! Пусть все знают!

– Пойдем, поговорим. – сдалась девушка. – Поднимайся.

Костя сделал оркестру знак, что все свободны, и улыбнулся. План начинал срабатывать так, как и было задумано. А то! Он неторопливо прошел за Оксаной на кухню и присел

на стул.

– Давай поговорим. Я много думал о нас...

– Кость, не морочь мне голову, о каких «нас»? Нас нет, в смысле вместе нас нет. Чего ты хочешь?

– Хочу попробовать все изменить. Вернуть тебя...

– Зачем? У тебя все хорошо, ты теперь известный писатель, а то, что когда-то было, прошло...

– Ты не понимаешь! Ты мне нужна! Только одна ты! Я тогда поступил как трус, но я многое понял. Дай мне шанс.

– Я больше не люблю тебя...

– Тебе только так кажется. Любишь. Давай попробуем! Если ты не захочешь, ничего не будет, я уйду и больше не вернусь!

– Господи, Костя, это просто какой-то сон! Ничего не понимаю! – Оксана налила себе вина и сказала, – присоединяйся, если хочешь.

– Я тут коньяк захватил французский и вино... А еще клубнику и твои любимые конфеты «Годива»...

– Ты помнишь? – ее сердце дрогнуло.

– Я все помню... Каждую твою черточку, родинку под левой грудью, шрамик на щиколотке... – Костик стремительно подошел к Оксане и опустился перед ней на колени. – Ты лучшее, что со мной случилось, не отталкивай меня.

Он начал поглаживать ее ногу, рука медленно и неторопливо поднималась выше, обнажая стройные белые колени,

лаская внутреннюю сторону бедра, отгибая в сторону маленький треугольник шелковых трусиков, пробираясь в заветную влажную и горячую плоть. Оксана застонала и раздвинула ноги шире. Сопротивляться не было сил. Он не спешил, не позволял себе торопиться, боясь испортить момент. Стянув с нее белье, прильнул губами к истекающему соком раскрывшемуся бутону. Медленно, невыразимо медленно он ласкал ее, отыскивая заветные точки, поглаживая, покусывая, пробираясь дальше и глубже, пока она не застонала и не закричала в голос. Взяв на руки, он понес добычу в постель и накинулся снова, едва освободившись от одежды. Распластал, вбиваясь в нее с силой викинга, получившего неограниченную власть над жертвой. Опомнившись, но продолжая ласкать ее губами, осторожно натянул презерватив, намазав его предварительно «волшебной» мазью, привезенной из Гонконга. Оксана извивалась и кричала – мазь холодила изнутри, вызывая бешеное ничем неутолимое желание, разжигая в ней такой пожар, которого она не ведала. Ей хотелось, чтобы это продолжалось вечно, чтобы сильнее и мощнее входил он в ее лоно, брал раз за разом, пусть даже потопы, наводнения, землетрясения, торнадо завывают за окном, грозя крушением мира – ничего более не имело значения, кроме этих движений, сплавливающих два тела в единое целое и уносящих в космическую бездну иного мира.

– Ты – моя! – торжествующе шептал Костик, и у нее не было сил возражать. Отдаваясь ему, она уже не понимала,

как могло быть иначе, и почему столько времени они мучили друг друга, ориентируясь на какие-то земные материальные вещи, когда вот оно – то самое сакральное знание, ради которого и творится вся эта жизнь на земле...

– Я – твоя! – шептала она, свято веруя в эти слова, прожигающие ее, словно огненное раскаленное тавро.

«Пожалуй, можно обойтись и без бриллиантов, – подумал Костик. – Витька обещал организовать «командировку» уже к послезавтра. Хорошая у меня мазь, надо будет друзьям заказать, чтобы еще привезли – такими темпами она скоро закончится».

– Что это было? – тихо прошептала Оксана, не в силах открыть глаз.

– Моя любовь... – ответил он проникновенно.

– Я не думала, что так бывает...

– Я тоже... Как видишь, бывает... Ты – чудо...

– Я боюсь, что все закончится, как тогда...

– Не бойся. В этом мире надо наслаждаться каждым мгновением бытия. Если думать о том, что будет завтра и всего бояться, то когда жить?

– Ты прав...

– Мы вместе, нам хорошо, и это главное...

– Да, пожалуй...

На кухне по всему полу валялись осколки вдребезги разлетевшейся лампочки...

Шаманская история нелюбви

- О чем задумался, Ванечка? – Катя ласково положила Ивану на плечо руку.
- Да так... ни о чем...
- Жениться бы тебе, хватит по Людке сохнуть.
- Да я уж давно не сохну...
- А что такой смурной?
- Мне тут девушка одна понравилась. К нам с экскурсией приезжала на Ляльник.
- И что? Ты у нее телефон взял?
- Нет.
- Почему?
- Неудобно как-то...
- Ой, Ваня, в кого ж ты такой робкий-то!
- Я ее к нам летом пригласил. Может, приедет...
- А если нет?
- Значит не судьба...
- Так просто?
- Да. В жизни вообще все просто.
- Помню, ты маленький был, такой же упрямый – бывало провинишься в чем, никогда не признаешься, губки сожмешь и молчишь упрямо, набычишься и все. Отец тебя и лупил, а все без толку.
- Что выросло, то выросло, сама знаешь. Ты сама замуж

не собираешься?

– Я Валентина жду. Обещал приехать, замуж взять.

– Думаешь, придет?

– Не думала, не ждала бы.

– Это правильно. – Иван задумался.

Невольно налетели мысли, воспоминания о прошлом, о том времени, когда он только познакомился с Людмилой, пленившей его своими роскошными русыми кудрями и милыми ямочками на щеках. Ему потребовалось достаточно много времени, чтобы понять, что ее детская невинность – просто женские «штучки», что это все наиграно и рассчитано только на то, чтобы охомутать подходящего мужика. Он долго удивлялся потом тому факту, что именно его она сочла подходящим – ни престижной работы, ни богатого наследства у него не было. Чем прельстилась Людочка? Или взаправду полюбила, а потом, почуяв желанную близость заветной Москвы, ушла искать своего настоящего женского счастья? Может просто хотелось выскочить замуж, чтобы не отставать от подружек, ехидно обзывающих старой девой? Да какая старая дева в двадцать один год?! Но если что вбилося девице в голову, то и не выбьешь, как ни старайся. Они тогда жили в Старом Осколе – большой город по нынешним временам, и работы хватало. Да Людочку все тянуло в Москву. Поехали. Одно время перебивались, как могли, он работал то грузчиком, то шофером, а Люда – торговала цветами или

сидела в продуктовой палатке. Откладывали каждую копейку, в надежде купить квартиру, если не в Москве, то хотя бы в ближайшем Подмоскovie: в Щербинке, Чехове, Одинцове... Плохо, конечно, перебиваться случайными заработками, – в родном городе Иван работал учителем истории в школе, а кроме того увлекался историей славянского язычества, искренне считая, что богам надо поклоняться своим, исконным, не завезенным извне и насажденным насильно. Историю Крещения Руси он знал досконально.

Как-то раз Людочка пришла домой, в ту съемную квартиру, где они жили, счастливая.

– Я нашла замечательную работу! – с порога заявила она.

– Поздравляю! Расскажи! Вижу, тебе самой не терпится!

– Я теперь буду домработницей и няней в одной очень богатой семье! Жить буду в их собственном доме.

– А как же я? Ты про меня подумала? Я тут один останусь?

– Ну, Ваня, нам же нужны деньги! А там зарплата огромная, тысяча долларов в месяц, да еще кормить будут бесплатно! А видаться будем по выходным.

– Мне это не нравится, Мила.

– Вань, только не начинай, а? Нам деньги нужны. Что ты зудишь как старик! Нравится – не нравится! Надо быть реалистом, а ты куksiшьcя.

– Попробуй. В принципе, всегда можно уйти, если не понравится.

– Вот-вот! Таким ты мне больше нравишься. – Люда поцеловала его в щеку и принялась готовить ужин.

На следующий день она собрала свой чемоданчик и уехала, оставив телефон работодателей, причем, строго наказала мужу звонить только в экстренных случаях. В пятницу она притворно жалобным тоном сообщила Ивану, что никак не может приехать на выходные, потому что хозяева улетели на уикэнд в Париж, а ее оставили с их маленькой дочкой Машей. На предложение Ивана приехать туда самому, она с испугом отказалась, сославшись на охрану и то, что ее просто уволят. Не приехала она и через неделю, и через две.

Увиделись они только через два с половиной месяца. Сначала он ее не узнал – так сильно изменилась жена. Фирменные дорогие вещи идеально обтягивали фигуру, новая прическа подчеркивала изящность лебединой шеи, а изысканные духи благоухали таким ароматом, что сразу становилось понятно – перед вами успешная молодая леди. Рядом с ней Иван почувствовал себя нищим гастарбайтером, которому явно рядом с ней места не было.

– Ты похорошела. Вещи красивые...

– Хозяйка со своего плеча отдала. Сказала – иначе стыдно, у них гости бывают солидные, а я в обносках. Она свой гардероб часто обновляет, ей не жалко: что мне, что на помойку. В таких помойках знаешь сколько народу одевается!

В очередях стоят, чтобы порыться. Кстати, если хочешь, я тебе что-нибудь приличное подберу, ну там пару свитерков, рубашек... У ее мужа тоже добра навалом...

– Нет, Люд, спасибо. Мне как-то не с руки в помойке одеваться.

– Да не в помойке, я тебе из дома принесу!

– Все равно, не нужно. Знаешь, грузчику или шоферу ходить в таких вещах неприлично, еще свои побьют, скажут – пижон.

– Ну как хочешь, была бы честь предложить.

– Спасибо.

– Знаешь, – Люда посмотрела на изящные и явно недешевые часики, – у меня встреча назначена, побегу я. – она заторопилась.

– Мил... я так понимаю, что это все?

– В смысле?

– У нас с тобой все кончено?

– Не знаю...

– Понятно. Значит, кончено.

– Ну, если ты так считаешь...

– Ты сама так считаешь, просто боишься это озвучить. Не правда ли?

– В общем, ты прав.

– Ну ладно... Ты звони все-таки...

– Ты тоже... Я тебе номер мобильного тоже оставлю.

– Хорошо.

Расставание оказалось таким будничным, без слез и истерик, без деления совместно нажитого имущества и прочих вещей, словно они жили раньше исключительно по-соседски или по-родственному... Да и что делить? Ни у кого из них ничего не было, а что и было, так у каждого свое. Иван купил себе компьютер, чтобы по мере возможности заниматься изысканиями, связанными с родноверием и славянским язычеством. Постепенно знакомился с людьми, интересовавшимися тем же делом. Они не раз заговаривали об общей мечте: организовать славянское поселение и жить там вместе. Иван продал в Старом Осколе квартиру, положил деньги на счет, и когда их компания все же решилась – по дешевке выкупил землю и поставил там первый дом – свой. Потом потянулись и другие.

Старая заброшенная деревня постепенно преображалась, на ней крепенькими грибочками-боровичками вырастали добротные деревянные дома. Образовался у них пчеловод, затеявший пасеку, столяр, сбивавший лавки, столы, заборы, различную необходимую мебель, а потом сподобившийся вырезать и знаменитый Триглав – Сварога, Перуна и Святовита, потихоньку подбирался нужный люд. Кто умел пахать землю, кто ухаживать за коровами, лошадьми, курами и прочей живностью, чья-то жена оказалась толковой медсестрой, готовой в случае чего стать и ветеринаром...

Так постепенно деревня оживала. Мало-помалу. Через

полгода после постройки дома к Ивану приехала сестра. Скучно ей показалось с родителями в Старом Осколе, с братом теплее, спокойнее. Друг ее Валентин уехал на заработки в Америку, но обещал вернуться и наказывал ждать его непременно. Она и ждала.

Один раз приехала Мила, оглядела деревню, пожалала плечами и произнесла:

- Охота тебе в такой глуши жить.
- Приехал, значит, охота.
- Из одной провинции перебрался в другую... Может сразу в тайгу?
- Да мне и здесь неплохо.
- Ну-ну...
- Если тебе тут не нравится, зачем приехала?
- Дай мне развод.
- Замуж собралась?
- Тебя не касается.
- Ты мне все-таки пока жена...
- Да какая я тебе жена! Окстись, а?
- Не злись, шучу. Мне от тебя ничего надо. Насильно мил Миле не будешь.
- Хорош шутить.
- Да дам я тебе развод. На здоровье.
- Вот и хорошо. Я тебе позвоню, когда приехать надо будет. Детей у нас нет, так что разведут по-быстрому.

– Звони. Только заранее. У нас тут иногда работы много.

– Ой, да ладно, какая тут работа!

– Я тебя прошу, сообщи заранее. – Иван постарался сдержаться. Людмила начинала его раздражать. Он сам не понимал, как не видел раньше ее глупость, жадность, ограниченность... Ну что ж, ему повезло – очевидно, скоро это сокровище достанется кому-то другому.

– Знаешь, ты никогда не понимал меня, Иван. Я не осуждаю тебя, просто хочу помочь понять женщин. Когда-нибудь ты встретишь кого-то, кто будет тебе небезразличен, и поймешь, о чем я говорю. Ты никогда не разговаривал со мной по вечерам, не хотел послушать, как прошел мой день...

– О чем ты говоришь, Мила? Я приходил уставший, как собака, после того как разгружал на вокзале вагоны, чтобы нам было, что поесть и чем заплатить за квартиру! А ты пыталась мне рассказать, как Викуся из палатки с носками сделала неудачный перманент, или что муж Леночки бьет ее каждый день, отчего та вечно ходит в синяках. Ты думаешь, мне это было интересно?

– Мог бы и послушать. А еще я так хотела сходить с тобой в кино или в театр... В последний раз, когда мы ходили на «Леди Макбет», ты просто уснул!

– Потому что я безумно уставал!

– Только зря потратили на билет деньги! Лучше бы я сходила одна!

– Ты и ходила одна, насколько я помню.

– Ты абсолютно равнодушен к прекрасному!

– Хорошо, будем считать, что так и есть. Я безмозглый тупой болван. Теперь ты довольна?

– Нечего на меня смотреть зверем, Иван! Для тебя стараюсь! Хочу, чтобы ты понял, как нужно обращаться с женщиной, чтобы она от тебя не сбежала.

– Знаешь, милая, я постараюсь найти такую женщину, которая меня примет таким, какой есть.

– Вот в этом-то твоя ошибка! Надо меняться, а ты глух как пробка.

– Значит, тебе повезло, что ты так вовремя прозрела. Поздравляю. Давай на этом закончим наш ликбез по женской психологии. Если у меня появится нужда, обращусь к тебе за консультацией.

– Думаю, тебя не переделать.

– Это твоя первая абсолютно здравая мысль!

– До свидания, Иван.

– Прощай, Мила.

Иван уселся за стол и спрятал лицо в ладонях. Все-таки, это оказалось не так легко – расставаться. Понятно, что они с Милой отнюдь не те две половинки, которые искали друг друга всю жизнь, но... все равно обидно. Спасибо Перуну за то, что вовремя открыл глаза. Все будет хорошо. Все уже хорошо и правильно, так как и должно быть.

– Как ты? – спросила неслышно подошедшая Катя.

– Нормально.

– Расстроен?

– Знаешь, нет, скорее рад, просто устал.

– Хорошо, что вы с Людой расстались. Она мне всегда не нравилась. Судя по всему, девочка весьма умелый манипулятор. Нашла себе очередную жертву и спешит выжать из нее все, что сумеет. Такие люди не слишком думают о других. Представь себе, как бы она относилась к собственным детям.

– Думаю, ты права, Катюша. Слава Перуну, детей у нас нет.

– Надо собрать людей, обсудить дела. Скоро праздники. На Ивана Купала тоже много гостей приедет. Программа готова?

– Конечно. Все готово. Только у Павла Петровича Зорька захворала, а ее еще перековать надо. Ей детей катать.

– Ничего, справимся. Если что, пусть в Пустошь съездят, у ветеринара мазь возьмут. До праздников еще две недели, заживет.

– Конечно. Как ты думаешь, твоя девушка приедет?

– Она не моя девушка... Не знаю... Мне кажется, она скромная, постесняется.

– Это хороший повод приехать.

– В принципе, да. Посмотрим.

– Ты не раскладывал руны?

– Нет. Не люблю гадать о таких вещах. Они должны сами

случаться или не случаться.

- Ты терпелив... Я этим качеством не обладаю.
- Тебе только так кажется. Ты же ждешь Валентина.
- Вот так всегда! Ты вечно оказываешься прав!
- Это у нас семейное.

Развод

– Уходи. Я больше не могу, Вася. Давай договоримся по-хорошему. Я живая женщина, человек. Зарабатываю достаточно, возьму малышку из детского дома, буду ее воспитывать. А так жить, больше сил моих нет – уж лучше руки на себя наложить.

– Зин, а Зин...

– Ну что, Зин? Ты посмотри, во что наша жизнь превратилась? Как я живу? Перед соседями стыдно!

– Зин, ну хочешь, я закодируюсь? Пить брошу?

– Сколько ты мне обещал, а? Мы это уже проходили. Нет, Вася, давай ищи работу сторожем, поговори с ребятами, они помогут. Бросишь пить, станешь опять человеком, тогда и поговорим.

– Я без тебя не могу... Да я ж все это из-за тебя...

– Пьешь из-за меня? Ты это хочешь сказать? Нет, ты пьешь, потому что слабый. Тебе себя жалко, а меня не жалко, ни сколечко! Вот тебе и вся правда. Короче, давай, звони ребятам. Думаю, за пару недель они тебе точно работу найдут.

– А ты?

– Возьму ребеночка. Счастья хочу. Жить хочу, радоваться, чтобы ручонки доченьки меня обнимали, и она мамой меня звала... Мне только тридцать два, а я себя старухой чувствую. Это справедливо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.